

14 МАЯ 1978

«Неделя» № 19 (947) 8

«ОТКРЫТЫЙ ДОМ, ГДЕ ВЕЧНО ТОЛЧЕЯ»

Кончился спектакль «Иванов», и все артисты МХАТа поздравили Евгению Михайловну Чехову с 80-летием. Вот текст адреса: «Дорогая, милая Евгения Михайловна!.. Для мхатовцев Вы — олицетворение и продолжение наследия и традиций дома Чеховых. Ваше обаяние, широта и гостеприимство, совершенно особая атмосфера Вашего дома придают встречам с Вами незабываемую прелесть...»

Поздравили Евгению Михайловну и сотрудники концертмейстерской кафедры Московской консерватории, где она работает уже 30 лет. «То, что я в консерватории, считаю самой большой удачей в жизни», — говорит Е. М. Чехова. Сейчас в ее репертуаре больше тысячи произведений, не считая оперных отрывков. Четыремстам студентам дала путевку в жизнь Евгения Михайловна.

У нее несомненный талант общения с людьми. Ее дом всегда полон гостей, вечера проходят в истинно чеховской атмосфере веселья и непринужденности. Не случайно над входом висит шуточный плакат: «Открытый дом, где вечно толчея».

В феврале 1898 года Михаил Павлович Чехов, младший брат Антона Павловича, написал сестре Марии в Мелихово: «...Девочку окрестили вчера. Тебя записали кумой, Антона — кумом... Я так доволен, что у меня кумом и кумой Антон и ты!» Девочку назвали Женей в честь бабушки Евгении Яковлевны. Теперь в каждом письме Антон Павлович стал делать приписку и для маленькой Жени.

Евгения Михайловна с нежностью вспоминает своего отца. Михаил Павлович играл на роле и виолончели, рисовал акварелью (сохранились некоторые его зарисовки, изображающие места, связанные с жизнью семьи Чеховых), переводил с французского и английского, читал лекции по русской и западноевропейской литературе.

— Писать было его стихией, — говорит Е. М. Чехова. — В свое время, недооценивая собственное литературное дарование, Михаил Павлович, вопреки советам старшего брата посвятить себя целиком искусству, поступил на казенную службу, которая его тяготила. Но продолжал писать. В 1907 году сборнику Михаила Павловича «Очерки и рассказы» была присуждена Пушкинская премия Академии наук. С 1907 по 1917 год он издавал журнал «Золотое детство» (и был, по сути, единственным его автором — писал стихи, очерки, рассказы и публиковал под разными псевдонимами). Его перу принадлежат и биография старшего брата в шеститомнике писем Антона Павловича.

В 1926 году больной Михаил Чехов перебрался в Ялту. Вот одно из его писем семье: «...Воображаю вас всех в сборе. Вот я вхожу к вам, вы обедаете, Ма-

маша и Женя на своих обычных местах. Я — в шапке-невидимке. Я раздеваюсь, вхожу в комнату и усаживаюсь в свой уголок. Вы начинаете говорить обо мне, хохочете, напоминаете мои слабости. Женя говорит о моих тоненьких ножках. И никто из вас не подозревает, что в моем уголке, на моем месте сидит мое астральное тело и разделяет с вами компанию... Оноло 500 писем — и все чудесные — получила от него семья.

Как-то, находясь по службе в Угличе, Михаил Павлович обнаружил в библиотеке курьезную надпись на книге «Три мушкетера»: «Сию книгу читал я, угличский мещанин Иван Дмитриевич Моховой, и нахожу ее из всех читанных мною самою милучшею, в чем и приношу мою признательность Михаилу Ивановичу Жукову как владельцу оной бесценной книги». Он переслал эту забавную надпись Антону Павловичу, и тот использовал ее в рассказе «Убийство».

— Летом 1904 года мы всей семьей поехали в Ялту, — вспоминает Е. М. Чехова. — И вот наш пароход причаливает к ялтинскому молу. На берегу — встречающие, среди них дядя Жорж, двоюродный брат отца. Он что-то кричит, а мы из-за стука паровозного колеса ничего не слышим. Наконец стало тихо, и голос с берега донес до нас: «Антоша скончался!»

Я, тогда шестилетняя девочка, не понимала смысла слова «смерть» и считала, что дядя Антон просто уехал куда-то далеко. По сей день перед глазами письменный стол, камин, цветные стекла в кабинете Антона Павловича, траурное платье Ольги Леонардовны Книппер...

С МАЛЫХ ЛЕТ я увлекалась пением, потом открылся певческий голос. Мария Павловна настояла на том, чтобы я поехала учиться в Москву. Здесь я стала брать уроки музыки у матери Ольги Леонардовны Книппер. Время проводила большей частью в обществе Марии Павловны и ее племянников Миши и Володи.

Мария Павловна часто водила меня в театры на репетиции и премьеры. Однажды познакомилась со Станиславским и Качаловым. Помню, я была счастлива и смущена, когда Константин Сергеевич Станиславский, приветливо улыбаясь, пожал мне руку...

Ольга Леонардовна однажды зашла навестить моих родителей и подарила мне куклу, а моему маленькому братишке — игрушечную обезьянку, которую мы прозвали Обезьян Иванович. Ольга Леонардовна нередко бывала у нас. «Глядя на луч пурпурного заката» — ее любимая песня, исполнявшаяся на семейных торжествах...

...Но вернемся к Марии Павловне. Каждое воскресенье она устраивала семейные обеды, на них бывали Оля и Ада — племянницы Ольги Леонардовны, а также друзья Миши и Володи. После обеда — иг-

ры, шарady. Как нам было весело! Мария Павловна тоже играла с нами, состязаясь с племянниками в изобретательности. Володя, изображая кита, завертывался в ковер, а Миша, закутавшись в простыню, с посохом, играл пророка Иону, пробывшего три дня и три ночи в чреве этого кита...

В 1914 году Олины родители, жившие в Петербурге, отпустили ее погостить в Москву. Красивая, обаятельная, она тут же сразила обоих моих братьев. А сама отдала предпочтение Мише и, сбегав из дома, в одно прекрасное утро тайно с ним обвенчалась. Была суматоха! Ольга Леонардовна пришла в ужас: родители доверили ей дочь, а она не усмотрела. Миша писал Марии Павловне: «...Я женился на Оле, никому предварительно не сказав. Когда мы с Олей шли на это, то были готовы к разного рода неприятным последствиям, но того, что произошло, мы все-таки не ждали... Постепенно отношения между родителями и детьми наладились. Оля в письме к Марии Павловне говорит: «Папа и Миша очень и очень хорошо относятся». У них родилась дочь, названная тоже Ольгой.

Мишу я снова увидела спустя много лет. И сразу вспомнилось, как сидели мы тогда в еще уютном зале МХАТа и смотрели сказку «Сверчок на печи». Миша, всегда такой озорной, веселый, играл старого Калебу и вызывал у всех восторженные слезы. Это была его первая серьезная роль... Задолго до этого Мария Павловна, видя в племяннике необыкновенное дарование, послала рекомендательное письмо для его поступления в МХАТ. Миша пишет в ответном письме: «Спасибо, большое спасибо тебе, дорогая Маша, за все то, что ты сделала для меня в Художественном театре. С твоей карточкой... отправился и Ольга Леонардовна. Встретилась она меня очень тепло и хорошо. Спросила, почему я не перехожу к ним, и предложила мне при свидании с Константином Сергеевичем Станиславским (свидании это она обещала устроить) прочесть ему что-нибудь в виде вступительного экзамена, что ли... Станиславский, Вишневский и Книппер слушали меня, и я был принят в театр...»

После смерти брата Марии Павловна решила сохранить дом Антона Павловича в его первоначальном виде. «Я не допускала и мысли что-нибудь нарушить после его смерти», — писала Мария Павловна. — Я сама продолжала заботливо убирать и беречь те комнаты, где он жил и работал. Со всех концов страны съезжались люди, чтобы увидеть дом, где жил и работал великий писатель. Нередко Мария Павловна выступала в роли экскурсовода. Много помог в создании музея и мой отец. Взял на себя все хозяйственные заботы, часто наезжал в Ялту, а с 1926 года и вовсе поселился там как сотрудник музея.

О землетрясении 1927 года отец писал: «Дом был для нее (Марии Павловны) всем... Одинокая, бездетная, она относилась к дому, как к живому существу, и вдруг в течение всего только 9 секунд решилось все, чем она жила и что любила...»

Мария Павловна старалась создать Антону Павловичу все условия для творчества, ради брата пренебрегла личным счастьем, отвергнув предложение И. С. Бунина. Мотивировала тем, что Бунин сделал ей официальное предложение 13-го, «несчастливого» числа. Спустя 13 лет Бунин прислал ей в подарок бриллиантовый кулон в виде цифры «13» в память о несостоявшемся счастье. Впоследствии Мария Павловна надевала этот кулон в особо торжественных случаях, но лишь после того, как цифра «13» была переделана ювелиром на цифру «31». Чуткая, гостеприимная, она с каждым находила общий язык. Как-то дом-музей посетили французские туристы; вышедшую к ним Марию Павловну встретили восторженными аплодисментами. Потом прислали французскую газету, в которой говорилось: «Мы встретили элегантную даму, прекрасную одетую, с кольцами на руках и с привлекательным видом...»

За год до Великой Отечественной Евгения Михайловна спела в консерватории «Песни и пляски смерти» Мусоргского и была приглашена на работу в консерваторию в качестве певицы-иллюстратора концертмейстерского класса. «Как я радуюсь за Женю, — писал семье Михаил Павлович, — что она уже настоящая певица...»

В годы войны Евгения Михайловна находилась в Казахстане, вела свою музыкальную работу, занималась с детьми ритмикой. Мария Павловна оставалась при доме-музее, проявляя необычайное мужество, чтобы сохранить в неприкосновенности экспонаты, уберечь дом от разграбления гитлеровцами. Ей много помогала Елена Филипповна Янова, добрый друг, она почти 20 лет находилась возле Марии Павловны, выходила ее от тяжелой болезни, пережила с ней вражескую оккупацию.

С 1954 года Евгения Михайловна — один из организаторов музыкальных вечеров в Доме-музее А. П. Чехова на Садово-Кудринской. «Мы не забываем», — говорит она, — что в доме Чеховых всегда звучала музыка. Студенты охотно выступали со мною. В программу включались музыка, песни, романсы, которые любил Антон Павлович. Мне приходилось выступать и в Ялте, и в Мелихово вместе с народными артистами О. Н. Ефремовым, С. В. Гиацинтовой, И. М. Снютковским, И. С. Козловским и другими». Евгения Михайловна получает много приглашений выступить с воспоминаниями. Скоро выйдет в свет книга, написанная племянницей писателя, в которой немало новых подробностей из жизни чеховской семьи.

Ольга КОЛДАШОВА.